

**Известия Таврической  
ученой архивной комиссии.  
Книга 36**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
ИЗЗ

ИЗЗ Известия Таврической ученой архивной комиссии. Книга 36 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 102 с.

**ISBN 978-5-517-93172-6**

Таврическая Учёная Архивная Комиссия регулярно публиковала сборник трудов «Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии» (ИТУАК). Всего, с 1887 по 1920 годы, было выпущено 57 томов этого издания, в которых было опубликовано более 400 научных статей, исторических документов, археологических находок. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1904 года

**ISBN 978-5-517-93172-6**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



# МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

## О ЕВПАТОРІИ

въ эпоху Крымской войны 1853—1856 г.г.

---

### ВВЕДЕНІЕ.

Нѣсколько словъ объ общественной жизни въ Россіи наканунѣ Крымской войны. Евпаторія передъ войной. Ея жизнь и жители.

Какова была общественная жизнь въ Евпаторіи передъ началомъ Крымской войны 1853—1856 г.г.? Какъ относились къ войнѣ граждане, что думали, что дѣлали? Всѣ эти вопросы въ настоящее время кажутся намъ вполнѣ естественными, — но какіе отвѣты можно дать на нихъ? Съ горькой усмѣшкой мы думаемъ объ этомъ. И не лишнимъ, намъ кажется, будетъ, прежде чѣмъ задаваться такими вопросами относительно Евпаторіи, поставить ихъ по отношенію къ тогдашней Россіи вообще, русскому обществу центральныхъ губерній и другихъ, которыя, не въ примѣръ Крыму, должны были жить чисто русской жизнію.

Что же мы видимъ здѣсь, въ Россіи? Всюду отсталость и страшный застой. Когда все вокругъ насъ шло впередъ и развивалось, мы спали, или, вѣрнѣе сказать, насъ усыпляли. У насъ не было того могущественнаго орудія, которое лучше всего освѣщаетъ намъ положеніе дѣлъ и наше собственное положеніе среди другихъ, которое лучше всего помогаетъ намъ разобраться въ своихъ интересахъ, — у насъ не было политической печати. Общественная жизнь ютилась только около немногихъ представителей науки, въ скромныхъ университетскихъ кружкахъ. Правда, слабые отголоски этой жизни изрѣдка находили отраженіе въ литературѣ, но это было уже исключеніемъ, праздникомъ для нея; общее же положеніе литературы въ то время было таково, что всю ее, гдѣ билась мысль, гдѣ рвались наружу вопросы дня и подымали народный духъ, — всю ее

кошмаромъ давила цензура. Всевозможныя изощренія въ созданіи препонъ заграждали дорогу нашей литературѣ и не пускали ее слиться съ міровымъ движеніемъ мысли.

Что можемъ мы сказать о народѣ того времени, о народнои массѣ? Если даже тотъ, кто стремился впередъ съ неисчерпаемымъ запасомъ всевозможныхъ запросовъ, съ жаждой знаній и дѣятельности, если даже тотъ долженъ былъ остаться ни съ чѣмъ, то народъ, закрѣпощенный подт разными видами, представлялъ изъ себя, разумѣется, косную массу, обложенную на невѣжество и мускульную работу. Припомнимъ кстати, что въ то время крѣпостные путы, благодаря развитію полицейской власти, достигли своего апогея. Средину между народомъ и тѣмъ небольшими кружками представителей науки и литературы, о которыхъ мы упомянули, занимали миллионы русскихъ гражданъ, которые жили все какъ одинъ. Все они, приученные къ пассивности, воспитанные въ сознаніи, что не имъ стоять на стражѣ государственныхъ интересовъ и общественной жизни, что правительство знаетъ, что дѣлаетъ, и что имъ выпалъ на долю покойный жребій—не утруждать особенно себя,—все они, представляя изъ себя инертную, стихійную силу, оставались ко всему холодными и равнодушными. Намѣму обществу, благодаря задержанной и задавленной жизни, казалось, что у насъ золотой вѣкъ, а тамъ, на западѣ, за границей, тамъ Содомъ и Гоморра. Намъ непримѣтна была наша отсталость, намъ трудно было разглядѣть успѣхи, достигнутые въ общественной и политической жизни Европы. Мы дошли до такого усыпленія, что даже русская политика наканунѣ войны никакъ не ожидала ся. „Не посмѣютъ“,—таково было у насъ общее убѣжденіе. Но война, грозная война началась, и мы должны были начать ее и тянуть, не понимая, зачѣмъ и для чего, не понимая ни причины ея ни цѣли. Намъ казалось, —турки бунтуютъ, и приказано ихъ усмирить. Разумѣется, это не могло воодушевить и поднять народныя массы.

Такова въ краткихъ чертахъ была общественная жизнь въ коренной Россіи наканунѣ Крымской войны. Что же можно было ожидать отъ Крыма и Евпаторіи въ частности? Я ничуть не преувеличу, если скажу, что въ Евпаторіи предъ началомъ Крымской войны не было никакой общественной жизни. Здѣсь все сводилось къ частнымъ интересамъ каждаго; каждый за восьма, восьма рѣдкимъ исклю-

ченіемъ думалъ только о себѣ и въ томъ лишь случаѣ о другомъ, когда видѣлъ въ этомъ опытѣ—таки выгоду для себя. За ширмою общественныхъ интересовъ создавались цѣлыя системы злоупотребленій. Словомъ, здѣсь вероду преслѣдовались собственныя выгоды; жертвовать же собою отечеству ни у кого не было въ мысляхъ. Однако, представляя Евпаторію въ такомъ мрачномъ видѣ, несправедливо было бы обойти молчаніемъ и тѣ условія, благодаря которымъ создалось подобное положеніе. Прежде всего надо сказать, что Евпаторія въ 1853 году была городомъ сравнительно очень молодымъ въ Россіи; ей было, если такъ можно выразиться, всего лишь 69 лѣтъ. Затѣмъ, мы не должны оставить безъ вниманія и того, что съ 1478 года до дня присоединенія къ Россіи въ 1784 г., т. е. въ теченіе болѣе трехъ сотъ лѣтъ, она принадлежала татарамъ подъ сюзеренствомъ турецкаго султана. Наконецъ въ 1853 году изъ 10—12 тысячъ всего населенія Евпаторіи—три четверти приходились на долю татаръ. Къ этимъ тремъ причинамъ, которыми до нѣкоторой степени можно объяснить низкій уровень общественной жизни въ Евпаторіи въ эпоху Крымской войны, необходимо прибавить еще не малую удаленность города отъ центровъ русской общественной жизни. Дѣйствительно, могла ли Евпаторія въ то время жить иначе? Мы сказали уже, что на 10—12 тысячъ жителей Евпаторіи—три четверти приходилось на долю татаръ; но это вычисленіе однако не опредѣляетъ еще цифры русскаго населенія. Кромѣ русскихъ здѣсь были еще греки, каранмы, евреи, армяне и др. Словомъ, въ Евпаторіи пестрота населенія была видна на каждомъ шагѣ, и связать всю эту разношерстную толпу вмѣстѣ, въ одно цѣлое, не было никакой возможности. Татары жили совершенно обособленной жизнью и со времени присоединенія Крыма насколько не сблизились съ русскими. Они занимались мелкой торговлей, ремеслами, необходимыми въ быту татаръ, выдѣлкой кожи и кожевенныхъ издѣлій, выдѣлкой смушекъ, изготовленіемъ телѣтъ, держали кузницы, занимались ковкой лошадей и т. п. Многіе изъ нихъ ходили работать на соляныя озера, занимались извозомъ и нагрузкой судовъ. Большая часть татаръ представляла изъ себя бѣдную, жившую исключительно физическимъ трудомъ, но каждый изъ нихъ имѣлъ свою лачугу, обыкновенно своей работы, и строго держался своихъ единовѣрцевъ. Всѣ они,

за очень малымъ исключеніемъ, говорили только на своемъ родномъ языкѣ, и поэтому всѣмъ, кто желалъ извѣстнаго съ ними безъ помощи переводчиковъ, надо было изучать татарскій языкъ. Изученіе татарскаго языка охватило всѣхъ, такъ что въ концѣ концовъ и русскій, и грекъ, и еврей, и караимъ—всѣ говорили по-татарски. Татарскій языкъ пріобрѣлъ право гражданства, сталъ господствующимъ, сталъ своего рода международнымъ въ Евпаторіи, ему не вмѣняли даже въ общественныхъ собраніяхъ. Сохраненію національныхъ чертъ у татаръ и обособленности ихъ не мало способствовали мечети, молитвенные дома. Въ Евпаторіи и теперь ихъ можно насчитать больше десятка, тогда же чуть ли не въ каждомъ татарскомъ кварталѣ красовался высокій минаретъ. Каждую пятницу правовѣрные собирались на молитву и вообще строго придерживались корана. У татаръ были свои школы, но процентъ грамотности они давали небольшой. Такова въ общихъ чертахъ была главная часть населенія. Остальные 3000 жителей не представляли изъ себя, какъ татары, сплоченной массы, а разбивались или по національностямъ, или по роду занятій на мелкіе кружки. Греки, по преимуществу баркасенники, держались своего общества; они хорошо сохранили свои національныя черты и родной языкъ. Караимы, солепромышленники и болѣе крупные торговцы, также держались твердо своего общества. Что касается евреевъ, то они не разбивались обществомъ и по роду своего занятія—факторства—держались по обществу, а дѣла. Но гдѣ же были русскіе, и сколько было ихъ? Русскихъ въ Евпаторіи было менѣе всѣхъ другихъ. Главнымъ образомъ то были чиновники, судьбой занесенные сюда и служившіе въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ; конечно, были и крестьяне, но въ общей сложности русскихъ было все же очень мало. Вотъ изъ какихъ элементовъ должна была составиться общественная жизнь въ Евпаторіи. Расположенной особнякомъ на берегу бурнаго Чернаго моря, безъ удобнаго и болѣе или менѣе постояннаго общенія съ другими городами, съ пестрымъ чуждающимся другъ друга населеніемъ, Евпаторіи не легко было принимать живое участіе не только въ политическихъ интересахъ государства, но даже и своей городской общественной жизни. Она была, такъ сказать, совершенно не въ курсѣ дѣла, и именно такую ее застала война 1853—1856 г.г.

## ГЛАВА I-я.

Занятіе города союзниками. Бѣгство жителей.

Задолго до высадки непріятельскихъ войскъ въ Крыму и занятія Евпаторіи городекіе жители ея не разъ замѣчали, какъ корабли союзнаго флота то показывались подъ городомъ, то снова исчезали въ морѣ. Въ первое время жители сильно переполошились, заговорили о войнѣ, женщины плакали, но затѣмъ мало-по-малу все успокоилось, и непріятельскіе корабли въ виду Евпаторіи уже не производили, повидимому, на нихъ сильнаго впечатлѣнія,—они привыкли къ нимъ; жизнь города текла по прежнему. Такимъ образомъ, не трудно было замѣтить, что страхъ евпаторійцевъ былъ страхомъ лишь за настоящую минуту, безъ взглядовъ на будущее. Появился чужой корабль—они испугались, переполошились, засуетились; корабль ушелъ—все стало по-прежнему, развѣ только прибавилось шутливое воспоминаіе о недавнемъ страхѣ. Высшій слой евпаторійскаго общества—люди чиновные, помѣщики—такъ сказать передовые, мало чѣмъ въ данномъ случаѣ отличались отъ простаго народа. Никому изъ нихъ, повидимому, не приходило въ голову, что соседство непріятеля можетъ грозить если не опасностью, то хоть несприятностями. Ни одинъ помѣщикъ не позаботился вывезти изъ Евпаторіи хоть что-нибудь изъ своего имущества, не смотря на то, что у многихъ деревни находились не далеко отъ города. Это происходило не отъ отваги или вѣры въ человѣчность непріятеля, а просто отъ невѣдѣнія и наивной беззаботности. Были въ то время въ Евпаторіи и люди, правильно понимавшіе положеніе дѣлъ, люди дальновидные, но они должны были держать языкъ за зубами.

Въ то время я былъ въ офицерскомъ чинѣ, служилъ столоначальникомъ въ евпаторійскомъ городскомъ магистратѣ. У насъ носился упорный слухъ, что въ Крыму долженъ быть сдѣланъ десантъ англо-французскихъ и турецкихъ войскъ. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ слуховъ, мы скоро получили циркулярное предписаніе отъ Таврическаго Губернскаго Правленія быть на готовѣ къ выѣзду по дорогѣ на Перекопъ со всеми дѣлами, но въ томъ лишь случаѣ, если десантъ непріятельскій будетъ сдѣланъ въ Евпаторіи. Въсѣтъ съ этимъ Губернское Правленіе предписывало дѣлопроизводства не прекращать. Получивъ та-

кого рода предписаніе, мы не знали, къ кому обратиться за добрымъ совѣтомъ, какъ намъ быть, что дѣлать. У членовъ магистрата напрасно было искать совѣта—все они были люди очень ограниченные, а изъ купцовъ и мѣщанъ рѣдко кто былъ грамотнымъ; нѣкоторые не умѣли даже подписать своей фамиліи и вмѣсто подписи прикладывали именныя печати. Что намъ было дѣлать? Мы съ секретаремъ магистрата Сергѣемъ Григорьевичемъ Кузьменко порѣшили сообща все дѣла упаковать въ тюки и быть въ полной готовности къ выѣзду, тѣмъ болѣе, что флотъ непріятельскій все чаще и чаще сталъ показываться предъ нашими глазами. Наши опасенія относительно того, что непріятельскія суда не напрасно отъ поры до времени навѣщаютъ Евпаторію, вскорѣ оправдались.

Помню хорошо, что въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1854 г., на третій день Свѣтлаго праздника, въ виду Евпаторіи показалось два парохода. Войдя въ бухту, они стали на якорь, не подымая однако національнаго флага, что требуется обыкновенно отъ каждаго парохода. Стоявшее въ то время на евпаторійскомъ рейдѣ одно русское каботажное судно первое замѣтило пароходы; шкиперъ его, будучи увѣренъ, что пароходы эти непріятельскіе, и что они берутъ курсъ прямо на него, рѣшилъ по добру по здорову съѣхать вмѣстѣ съ экипажемъ на берегъ и предупредить жителей о грозящей опасности. Между тѣмъ корабельный смотритель таможни, нѣкто Яшниковъ, ревностный служака, не зная, что за пароходы пожаловали къ намъ, немедленно съ командой отправился опросить ихъ, но поплатился за это тѣмъ, что вмѣстѣ съ матросами и лодкой былъ взятъ на пароходъ, а впоследствии въ качествѣ плѣнника отправленъ въ Лондонъ. Спустя нѣкоторое время, пароходы на нашихъ глазахъ оттянули подальше въ море то каботажное судно, о которомъ мы сейчасъ говорили, зажгли его въ виду Евпаторіи, а сами снялись съ якоря и взяли курсъ по направлению за карантинный выступъ. Паничскій страхъ обуялъ жителей. На глазахъ у нихъ непріятель вырвалъ душъ десять жителей, сжегъ судно, и самъ ушелъ. Зачѣмъ все это сдѣлалъ онъ? Быть можетъ, завтра вернется вновь и съ большей силой? Наконецъ—то у евпаторійцевъ возникъ вопросъ: что будетъ завтра? Мѣстныя власти хотя и растерялись, но все же проявили нѣкоторую дѣятельность: они поручили двумъ донскимъ казакамъ прослѣдить по берегу

удаление непріятельскихъ судовъ. Но можно себѣ представить весь ужасъ жителей, когда, часъ спустя, казаки возвратились во весь карьеръ и сообщили, что недалеко отъ города непріятель высадили свои войска на берегъ. Многие, узнавъ объ этомъ подѣ свѣжымъ впечатлѣніемъ только что пережитаго, оставивъ на произволъ судьбы свое имущество и, захвативъ съ собою на скорую руку только то, что можно было взять, рѣшили бѣжать и бѣжали. Но, къ счастью, вскорѣ выяснилось, что вмѣсто непріятеля за городомъ оказалось на подножномъ корму стадо барановъ. Тишина возстановилась; заплатились въ этомъ случаѣ лишь одни легковѣрные, имущество которыхъ моментально было расхищено цыганами. Конечно, бѣжавшіе жители скоро узнали, что они сдѣлались жертвой ложной тревоги; многие изъ нихъ возвратились обратно съ дороги, многие остались ночевать въ степи подѣ открытымъ небомъ, а многихъ на ночь пріютилъ у себя въ деревнѣ Мамай князь Меметь бей Балалуконъ, овпаторійскій помѣщикъ. Онъ, надо отдать ему честь, былъ человекомъ добрымъ, всегда принималъ живое участіе во всѣхъ, кто нуждался и обращался къ нему за помощію.

И такъ непріятель ушелъ, но слышно было, что съ того времени его пароходы занялись охотой на купеческія суда, крейсеровали по морю и ловили ихъ. Случалось, что пароходы союзныхъ войскъ подходили даже къ евпаторійскому рейду, но не входили въ бухту. Въ виду явной опасности, которая ежеминутно грозила Евпаторіи, нѣкоторые присутственные мѣста по распоряженію своихъ начальствъ вывезли архивы въ уѣздъ, а казначейство даже совсѣмъ выѣхало въ Перекопъ. Замѣтно было, что ждуть чего-то. Съ этого времени важнѣйшіе обыватели города мало-помалу начали переселяться въ уѣздъ, а нѣкоторые въ Симферополь, Перекопъ и далѣе. Многие до своего выѣзда изъ города, опасаясь грабежа со стороны цыганъ и татаръ, сдавали на храненіе все драгоцѣнное имущество подѣ надежныя замки честныхъ караимовъ.

Но вотъ наступило первое Сентября, памятный день для Евпаторіи. Въ 6 часовъ утра городу дали знать, что съ Тарханкутскаго маяка замѣчено безчисленное множество непріятельскихъ кораблей, которые длинной вереницей идутъ по направленію къ Евпаторіи. Не смотря на раннее утро, весь народъ поднялся, засуетился. Много любопыт-

ныхъ отправилось за карантинъ, отгуда можно было лучше прослѣдить непріятеля. Не говоря о балконахъ, народъ взбирался на крыши, на церковную колокольню, мечеть; словомъ, каждый наперерывъ старался выбрать себѣ самыя возвышенныя мѣста, чтобы убѣдиться въ томъ, что слышалъ, чтобы воочию увидѣть непріятельскій флотъ. Я не менѣе другихъ былъ охваченъ общимъ теченіемъ. Жители сознавали, что для города наступаетъ роковой часъ. Всѣ были твердо увѣрены, что на этотъ разъ непріятельскій флотъ не ограничится однимъ лишь визитомъ, какъ въ первый разъ, что нужно готовиться къ бѣгству; но тѣмъ не менѣе никто не сдѣлалъ, каждый хотѣлъ оставаться до конца, выждать развязку. Такое отношеніе еванаторійцевъ къ наступающему событію, я думаю, объясняется очень просто. Городъ, въ которомъ не было войска, если не считать слабосильной команды и нѣсколькихъ казаковъ, разумѣется, не могъ сопротивляться непріятелю; нельзя же было думать, что непріятель, въ свою очередь, станетъ воевать съ беззащитнымъ населеніемъ. Часовъ въ 12 дня громаднѣйшій флотъ былъ у всѣхъ на глазахъ, подходилъ къ рейду, а въ 2 часа вся бухта еванаторійская и самый рейдъ были запружены судами. Кто былъ въ Еванаторіи, тотъ знаетъ, какъ велика тамъ бухта. Видъ съ берега былъ болѣе чѣмъ живописенъ. Мачты кораблей густымъ лѣсомъ стояли на морѣ, а трубы пароходовъ, дымъ, разная окраска кораблей, снасти, поднятые кое-гдѣ паруса—все это, еще не успѣвшее застыть на мѣстѣ, слегка въ движеніи, производило само по себѣ сильное впечатлѣніе. Врядъ ли когда нибудь Еванаторіи приходилось видѣть что-либо подобное. Казалось, здѣсь были суда всѣхъ видовъ и назначеній—пароходы, фрегаты, транспортныя суда, линейныя корабли и кононерки, на которыхъ масса ми кишѣло войско. Съ берега намъ видно было, какъ мелкія суда сплавали то туда, то сюда, очевидно, передавая приказанія начальства. Но вотъ на глазахъ у насъ нѣсколько пароходовъ отдѣляются отъ общей массы, подходятъ ближе къ берегу, открываютъ люки и готовятся далѣ по городу залпъ. Еще нѣсколько минутъ, и наше вниманіе переносится на три шлюпки, которыя несутся прямо на нашу пристань. Очевидно, непріятель открытыми люками далѣ намъ понять, что его лодки покажутъ, какъ дѣйствовать ему. Къ этому времени на набережную и пристань Еванаторіи собрался

буквально весь городъ: и старъ, и малъ, и русскій, и еврей, карантъ и грекъ, словомъ, все собралось сюда. При этомъ нельзя было не обратить вниманія на татаръ,—они составили отдѣльную, большую группу. Собранные гурьбой, они стояли, перешептывались между собой и зорко озирались вокругъ. Ихъ злые замыслы не могли ни отъ кого ускользнуть, такъ что въ концѣ концовъ жители стали бояться больше ихъ, чѣмъ самого непріятеля.

Шлюпки все ближе и ближе подходили къ пристани. Весь народъ хлынулъ туда, но напрасно: тамъ яблоку некуда было упасть. Впереди всѣхъ у сходной пристани стояла вся городская власть: комендантъ Николай Ивановичъ Казначеевъ, городничій, управляющій таможеней и карантинномъ; здѣсь же былъ переводчикъ. Въ полной парадной формѣ, съ явнымъ волненіемъ на лицахъ, въ безмолвіи впились они глазами въ незваныхъ гостей и съ минуты на минуту готовились къ бесѣдѣ. Наконецъ непріятельскіе багры толкнулись о пристань и притянули шлюпки, и на пристань, также въ полной парадной формѣ, сошли парламентары отъ трехъ державъ, каждый со своимъ переводчикомъ. Бесѣда длилась не долго. Городъ сдался. Жителямъ было предоставлено полное право оставаться въ городѣ или же въ 24 часа покинуть его. Затѣмъ, попрощавшись съ нашими властями со всеми тонкостями международного приличія, парламентары отчалили назадъ. Настала роковой часъ. Къ военному губернатору сейчасъ же былъ посланъ гонецъ съ донесеніемъ о сдачѣ города. Каждый долженъ былъ рѣшить, что дѣлать. Поднялась суета, сборы, приготовленія. Но вотъ бѣда, нигдѣ нельзя было достать подводъ. Татары, на которыхъ главнымъ образомъ можно было надѣяться въ данномъ случаѣ, какъ на фурщикова, ни за какія деньги не соглашались дать своихъ подводъ. Этимъ они, между прочимъ, явно обнаружили свою приверженность къ нашему врагу. Что оставалось дѣлать? Кто имѣлъ своихъ лошадей, забиралъ съ собою часть имущества, а кто не имѣлъ, тотъ долженъ былъ ищкомъ искать убѣжища. Разумѣется, здѣсь уже нельзя было думать о томъ, чтобы захватить съ собою много. Почти все цѣликомъ оставалось на разграбленіе цыганъ. И вотъ черезъ часъ—другой потянулся изъ города въ разныя стороны своеобразный караванъ. Многимъ бѣднякамъ, кто во время не успѣлъ добраться до деревни, пришлось ночевать подъ открытымъ небомъ. Тутъ еще разъ я

помяну имя благороднаго Меметь боя Балатукова. На этотъ разѣ, какъ и раньше, онъ откликнулся добрымъ сердцемъ на народное бѣдствіе и всѣхъ, кого зналъ и не зналъ, безъ различія націй, всѣхъ, кто искалъ у него убѣжища, онъ приютить у себя. О Балатуковѣ надо замѣтить, что хотя князь этотъ былъ и мусульманинъ, по душой онъ былъ преданъ Россіи и любилъ русскій народъ. Во время Крымской войны онъ оказалъ намъ, русскимъ, большую услугу; съ увѣренностью можно сказать, что сильному вліянію, которымъ онъ пользовался среди татаръ, мы обязаны сохраненіемъ многихъ русскихъ деревень. Дѣло въ томъ, что татары тогда, составляя главную часть населенія Крыма, отличались гораздо большимъ фанатизмомъ, чѣмъ теперь; не трудно было мулламъ поднять ихъ противъ христіанъ. Вотъ въ этомъ отношеніи Балатуковъ выступилъ защитникомъ русскихъ; онъ во-время сумѣлъ остановить общее волненіе татаръ, и только малая часть ихъ, отъявленные башибузуки, не поддались его увѣщаніямъ. Объ нихъ мы скажемъ дальше.

Такъ начался и прошелъ первый день памятнаго сентября. На слѣдующій день мы узнаемъ, что, по распоряженію губернатора, слабосильная команда и казаки отозваны въ Симферополь, на полицію же возложено порученіе уничтожить хлѣбъ въ зернѣ, котораго можно было насчитать до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ четвертей въ купеческихъ амбарахъ. Полиція энергично принялась за это дѣло, прибѣгая къ разнымъ средствамъ безъ различія—грязи изъ уличныхъ лужъ (Евпаторія всегда изобиловала ими), морской водѣ и извести. Дѣло шло бойко, но не успѣла полиція до конца довести порученіе, какъ вдругъ, по доносу татаръ, неожиданно явился непріятельскій отрядъ и арестовалъ въ амбарахъ: городничаго Костюкова, частнаго пристава Романа Антоновича Лихошерстова, моего зятя, переводчика Михаила Константиновича Сѣриго и нѣсколькихъ городовыхъ изъ русскихъ. Городовые же изъ татаръ успѣли разбѣжаться! У меня является тутъ подозрѣніе, не эти-ли городовые—татары и привели непріятели. Въ числѣ арестованныхъ былъ также землемѣръ Баклановъ. Арестованнымъ объявили, что считаютъ ихъ измѣнниками турецкому правительству и всѣхъ ихъ предадутъ суду; а пока судъ да дѣло, ихъ отравили на турецкія суда. Въ тотъ же день непріятельскій флотъ удалился изъ Евпато-